

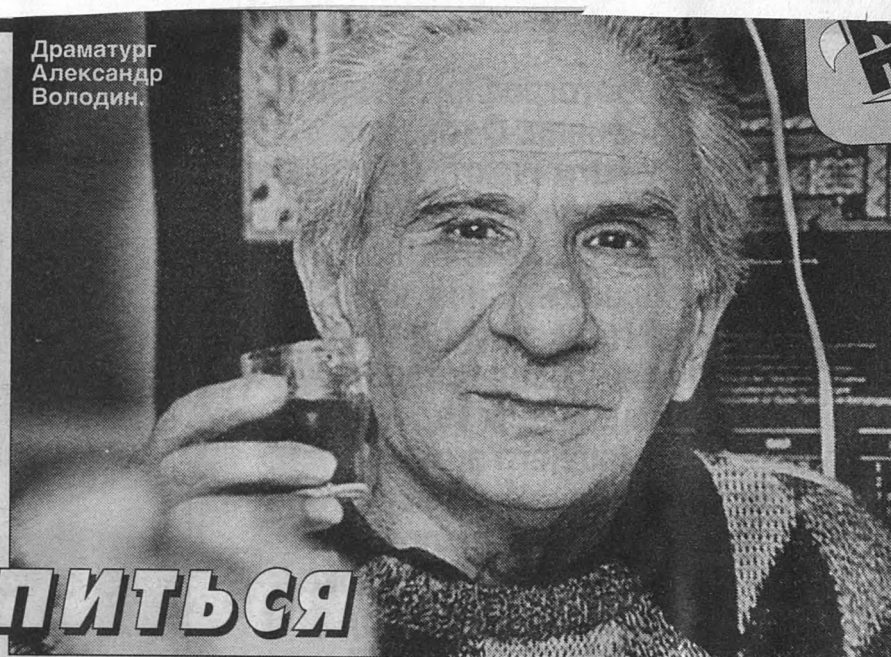
Драматург
Александр
Володин.

ИДЖАК
ЮБИЛЕЙ

Сегодня
Александр Володину,
автору «Осеннего
марафона»,
«Пяти вечеров»,
«Фабричной девчонки»,
исполняется 80 лет

«Не могу напиться с неприятными людьми...»

Роман, 1999 — 1999 — 10 февр. — с. 12

КСТАТИ

Признание в любви

Народный артист
Олег БАСИЛАШВИЛИ:

— Володин для меня — один из тех редких людей, которые заставили меня прожить еще одну жизнь. Я говорю это не только как актер, который сыграл Бузыкина в «Осеннем марафоне» — очень дорогим для меня фильме... Потому что когда я смотрел «Пять вечеров», или «Фабричную девчонку», или что-то другое, написанное им, я всегда восклицал: «Да это же я! (даже если на сцене была женщина)».

Народная артистка
Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

— У нас с Володиным были три творческие встречи. Фильм «Похождения зубного врача». Потом — «Дульсинея Тобосская» в Театре Ленсовета. Спектакль ругали, а Володин шепотом, чтобы не нарушать критическую мысль,

Володин живет в Петербурге на Петроградской стороне. Болеет. Выздоровливает. Пишет «Записки нетрезвого человека», давно и не впервые в русской литературе превратив нетрезвость в идеологию. Мучается каждодневными винами, радуется некаждодневным радостям...

— Александр Моисеевич, вы представляли себе когда-нибудь, как будете праздновать свое 80-летие?

— Что ты, совершенно в голову не приходило! Я всю жизнь не отмечал не только юбилеев, но даже дней рождения... Помню, только один раз жена в день рождения принесла чекушку. Никто больше не пил — ни она, ни сын (ему было четыре года) — и вся чекушка осталась мне. Это почти до слез меня тронуло, но это была и такая дыра в нашем бюджете!

— О чем вас сейчас спрашивают чаще всего?

— Долгие годы на встречах меня спрашивали: «Есть ли у вас машина?» Я говорил: «Нет», — и мне хлоппали. «Есть ли у вас дача?» — «Нет», — и за это тоже аплодировали.

А теперь спрашивают: «Над чем вы сейчас работаете?» Я отвечаю — работой это назвать трудно, это «Записки нетрезвого

человека». Когда-то я написал четыре строчки:

*Убитые остались там,
А мы, пока еще живые,
Все допиваем фронтовые,
Нелегальные сто грамм.*

И с утра я иду в свою рюмочную (теперь она называется «Стаканчики») и выпиваю сто грамм. Там работают разливатели, которых я всех люблю, каждую по-своему. Даже усталые, они умеют улыбаться. Некоторые радуются, когда я прихожу, и я чувствую их любовь к себе. Возвращаюсь домой, ложусь на диван в мою любимую позу и пишу «Записки».

— У вас есть строчки — «Не могу напиться с неприятными людьми»...

— Действительно, не могу. Они уже напились, а я — никак. И чем больше пью — тем противнее.

— С кем бывало напиваться лучше всего — из приятных?

— С Ефремовым мне было легко, с «Современником», с абсурдистом Олби. Они тогда приехали со Стейнбеком отбирать людей, которых можно пригласить в Америку (тогда никого не пускали, и нам с ними встречаться не велели). Они отоборали Аксенова, Вознесенского, Некрасова, Евтушенко и меня. И так хорошо было с Олби выпить!

— А с кем бы хотелось напиться сейчас?

— С Сашей Абдуловым. Я видел его в картине, где он играл киллера так, что я из всех

героев больше всего полюбил киллеров. Я так хотел, чтобы он спасся! Хотел бы с ним напиться, но пока не удастся. Еще — с Янковским. Но это кумир всех времен и народов. Со мной здоровался за руку Караченцов. Вот с этими бы...

— Какое чувство вы сам испытываете чаще всего?

— Вину и угрызения совести. Вот у меня есть такие строчки: *Винюных я клеймил, ликуя.
Теперь другая полоса.
Себя виню, себя кланю я.
Одна вина сменить другую
Спешит, дав третьей полчаса.*

— Из чего складываются повседневные радости?

— Из разного. Вот недавно иду по улице, вдруг какая-то женщина навстречу: «У вас пуговицы неправильно застегнуты». — «Какие?» — «Да все», — и начинает мне их перестегивать снизу вверх. А потом доходит до верхней, видит мое лицо и говорит: «Так вы — Володин?!». И прошло несколько дней — она мне позвонила: «Вы меня не помните? Я вам пуговицы застегивала». И у меня на полдня настроение наладилось. А может, от коньяка...

— А чего бы вы пожелали в свой день рождения своим детям?

— Честно говоря, я пожелал бы им жить так, как они сейчас живут. Они, правда, счастливы, и когда звонят из Америки, я это чувствую. Мое главное счастье в том, что я чувствую, что они счастли-

вы. Что они преуспели в своей тематической работе, что они любят друг друга, что младший сейчас женится на хоккеистке. Он — в меня, он унаследовал мою неуверенность, сомнения. Когда он написал свой реферат в разные университеты, он звонил: «Папа, я все плохо написал», а его пригласили сразу во все.

Сейчас ему 24 года, но с девочками как-то у него тоже не ладилось, он все говорил: «Мне американки не нравятся, я им тоже». И вдруг звонит: «Папа, у меня появилась девочка!» — «А кто она?» — «Хоккеистка. Нет, она еще работает, она очень умная, она красивая...» Хоккеистка — видимо, не случайно.

Когда Алешина мама умерла и он поселился у меня, ему жилось грустно — и я водил его на хоккейную площадку, чтобы он как-то поверил в себя. Он приходил и рассказывал: «Папа, я забил одну шайбу, и две — с моей подачи!» — «Вы выиграли?» — «Нет, проиграли»...

Разговаривала Марина
ДМИТРЕВСКАЯ.

Фото Виктора ДЮЖАЕВА и из архива «Петербургского театрального журнала».

Кадр из «Осеннего марафона»: Басиладшвили (Бузыкин) первый справа.

говорил: «А мне нравится, а мне нравится». Потом была «Киноповесть с одним антрактом» в БДТ.

...И всегда к нему такая нежность, как будто это что-то беззащитное и родное.

P.S. Эти и другие признания получит сегодня Александр Володин — в специальной газете «Миленский ты мой», посвященной ему. «Организовал» выпуск «Петербургский театральный журнал». Весь тираж раздарят зрителям театров, в которых в разное время шли разные пьесы Володина...